

— Ты сегодня один? А где тот твой подчинённый, который вечно ходит за тобой хвостом и корчит недовольные мины?

— ...Я никогда не приводил стражей поместья в весёлые дома.

Едва оправившийся от болезни князь Янькан долго кашлял, прежде чем вяло налить себе чаю и без всякого удовольствия отхлебнуть глоток.

В его затуманенном разуме невольно всплыл силуэт того человека. «Ходит хвостом» — это пожалуй, но «недовольных мин» он не припомнил; скорее всего, речь не о Янь У.

— Цк, — Инь Сюй, облачённый в тёмно-красный боевой костюм, глотнул вина и покачал головой. — Ты-то не приводил, но у него свои ноги есть. Тот теневой страж весьма неплох: если бы я случайно не поднял глаза, никогда бы не подумал, что у него хватит дерзости приподнять черепицу на крыше и подсматривать за нами.

— Хм... У него шрам на подбородке, а лицом он весьма пригож, так что я его хорошо запомнил. Зная, что вы с ним близки, я не стал поднимать шум из уважения к тебе.

— ...

— О? Странно. Сегодня он и впрямь не пришёл, мне даже как-то непривычно.

Инь Сюй пил лихо: не пользовался ни чарками, ни чашами. Обычно заказывал два больших кувшина и, весело болтая, пил прямо из них.

Прозрачное вино стекало по подбородку, пропитывая одежду на груди. Намокшая тёмно-красная ткань становилась почти чёрной.

Сегодня на нём был халат со стоячим воротником, застегнутый на две пуговицы у самой шеи. Когда он запрокидывал голову, сбоку у кадыка становился виден след от укуса. Его не смазали лекарством, и ранка до сих пор кровоточила.

Со шрамом, дерзкий... Точно Янь У.

— ...Я отправил его по делам. — Сидящий напротив Янь Лян прекрасно видел эти двусмысленные отметины. Он незаметно отвел взгляд, уставившись на танцующих неподалеку дев.

— А, вот оно что.

Янь Лян притворился равнодушным:

— Варвары коварны, этот поход будет опасным. Вместо того чтобы думать, как выжить на поле боя, ты ещё находишь время звать меня выпить.

— Хм, выжить? Зачем мне выживать? Я давно уже сыт жизнью по горло. В сердце у меня полыхает ярость, и сейчас я хочу лишь обрушить её на головы этих варваров! Моя жизнь принадлежит Великой Янь, и прежде чем отдать её, я прихвачу с собой несколько врагов.

От Инь Сюя веяло жаждой крови; здесь был не дворец, и он не трудился казаться кротким.

Янь Лян несколько раз невольно бросил на него взгляд, кашлянул и не сдержался:

— Есть у меня один вопрос, не знаю, стоит ли его задавать.

— Задавай, даже если не стоит. Может, потом мне уже не доведётся тебя услышать.

— ...Разве император не жалеет тебя больше всех? Твои прошлые прошения отклонялись одно за другим, почему же он вдруг передумал и отпустил тебя?

— ... — Лучше бы не спрашивал.

Инь Сюй холодно усмехнулся, раскусив его:

— Ты только что глаз не сводил с укуса на моей шее. Раз уж понимаешь, что произошло, посмейся про себя — зачем вслух-то спрашивать?

— Я ничего не видел, — упрямо буркнул Янь Лян, утыкаясь в чашку.

— Не поминай больше об этом. Я позвал тебя просто поговорить и не желаю обсуждать посторонних.

При одном упоминании о Янь Минцине Инь Сюй закипал. Мудрый государь в глазах народа на деле оказался мерзавцем, обожающим унижать своих вассалов!

Он рвался на фронт именно ради того, чтобы сбежать от этого человека. Противостоять ему он не мог, так неужели не сможет спрятаться?

— Неизвестно, когда свидимся вновь. Ты моя единственная родная душа в этом городе; как доберусь до места, напишу тебе.

Янь Лян знал, как коварны и жестоки варвары, и с беспокойством добавил:

— Несколько лет назад иноземцы прислали в дар Доспехи Циляня. Говорят, клинок их не берёт и ударов они не боятся. Напомни о них императору — он наверняка пожалует доспехи тебе.

— ...Не нужно. — Инь Сюй опустил глаза, глядя на рябь в кувшине вина. — Я поведу последние двадцать тысяч отборных воинов. Стоит мне уйти, и оборона внутренних земель ослабнет. Если поход закончится поражением, варвары возьмут десятки городов и дойдут до самого императорского града. Тогда Янь Минцину эти доспехи понадобятся самому, чтобы спасти жизнь.

Янь Лян не согласился:

— Не бери в голову, всё ещё не так плохо. Войско Великой Янь сильно, а те, кто стоит на передовой, — не неженки. Твой приход лишь придаст им сил.

— С этим твоим видом стратега ты больше похож на генерала, чем я. Жаль только... здоровье у тебя слабое. Если отправить тебя на войну, боюсь, ты и до тридцати лет не дотянешь.

— Неужели в твоих глазах я столь... хрупок?

Инь Сюй нахмурился:

— Духу в тебе в избытке, ты наверняка полезешь в самую гущу боя первым. Но... мало того, что ты копье вряд ли поднимешь, так ещё и этот твой кашель: если станет хуже, ты же прямо на поле боя и престаишься.

— Пустые тревоги. Этой хвори уже много лет. Если не пить вина, то ничего страшного.

Янь Лян съел боб из тарелки, чтобы перебить вкус чая. Он с отвращением отодвинул от себя наполовину пустую чашку:

— В последнее время столько чая и лекарств выпил, что во рту одна горечь. Хочется сладкого, но сласти в поместье совсем не по вкусу.

— А твоя «родная душа» тебе ничего не приготовила? — Инь Сюй уже захмелел; он подпер щёку рукой, глядя в пустой кувшин.

— Родная душа? — Янь Лян искренне удивился. Когда это он говорил, что у него кто-то есть?

— Ну да. Раньше, когда я спрашивал, ты не признавался, кто это, так старательно оберегал. Раз уж сам князь Янькан на кого-то засмотрелся... должно быть, девица умелая. Эх, через два дня я уеду, и без своего собутыльника ты всё ещё будешь заглядывать в весёлые дома?

Янь Лян покосился на него:

— Почему нет? В моём поместье нет ни жены, ни наложниц, и люди со стороны уже вовсю судачат, распуская слухи. Если я перестану сюда заходить, это лишь подтвердит их домыслы.

— Так вот о чем печется Вэньчжуо! — Инь Сюй не удержался и громко расхохотался.

— Как об этом не печься? Рано или поздно я встречу девушку по душе и возьму её в дом. Нельзя допустить, чтобы к тому времени моё имя уже было опорочено.

— Ты столько раз бывал в борделях и ещё надеешься на доброе имя? — Инь Сюй, покачиваясь, встал, прижимая к себе пустой кувшин.

— Красавицы... — Он нырнул в толпу танцовщиц, замороженный благоуханием и мельканием широких рукавов.

Янь Лян смотрел, как тот заигрывает с девами, и в душе его не шелохнулось ни единой струны; у него не возникло ни малейшего желания присоединиться.

«Неужели... мне и впрямь на роду написано быть монахом?»

Спустя около двух часов они наконец собрались по домам. Ночь была уже тёмной, прохожих на улицах почти не осталось.

Янь Ляна слуги посадили в карету, а изрядно захмелевший Инь Сюй взобрался на коня, привязанного у входа.

Янь Лян отодвинул занавеску на окошке и сказал человеку, который, пошатываясь, обнимал коня за шею:

— Ты, похоже, изрядно пьян. Поезжай-ка лучше в моей карете.

— А... не недооценивай меня.

Инь Сюй выпрямился, на губах его заиграла лёгкая улыбка:

— До встречи, Вэньчжуо.

Он с силой хлестнул коня:

— Но! — И по улице пронеслась темная тень.

— Поехали, — Янь Лян задернул занавеску и негромко отдал приказ кучеру.

Ему всё казалось, что чего-то не хватает. Но чего именно — того, из-за чего всё вокруг потеряло для него интерес?

Хмель ударил Инь Сюю в голову, и он во весь опор мчался по улицам.

Добравшись до резиденции, он бросил плетъ привратнику, расстегнул пуговицы на стоячем воротнике и широким шагом направился к себе.

— Генерал, генерал!

Старый управляющий догнал его трусцой.

— Что такое?

— Император прислал одну вещь. Я велел слугам положить её на стол в ваших покоях.

«Янь Минцин прислал? Вряд ли это что-то хорошее».

— Угу, — отозвался Инь Сюй. — Отправьте это в хранилище. И велите приготовить воду, я хочу искупаться.

— ...Генерал даже не взглянет, что там?

— Не на что там смотреть. — Инь Сюй круто развернулся и, не оглядываясь, зашагал в сторону бань, прочь от спальни.

<http://bllate.org/book/22107/2316095>